

Л. П. Рупосова

**Терминологизация названий частей тела в русском языке
донационального периода и второй половины XVII в.**

Перенос названий частей тела на явления, предметы объективной действительности — один из самых древних процессов во всех европейских языках. Он связан с представлениями об окружающем мире как аналоге тела человека или животных. Специализация антропоморфизмов и зооморфизмов, употребление их в определенных специально-терминологических разрядах лексики¹ имеет свои закономерности и свою специфику в каждый период исторического развития конкретного языка, по-особому протекает в отдельных его подсистемах. С другой стороны, терминологизация изучаемой тематической группы

¹ Наименования «термин», «терминология» и под. применительно к специальной лексике XVI—XVII вв. употребляются нами условно, как и другими исследователями. Особенности формирования специально-терминологических систем описаны в работе Ф. П. Сороколетова [10].

(ТГ) отражает и общие принципы номинации, характерные для определенной эпохи.

Проблема использования названий частей тела в качестве специальных наименований становилась предметом научного описания [4; 7; 12]. В историческом плане этот подвид номинации в русском языке полнее всего изучен в области географических наименований, названий частей предметов, деталей механизмов, военных терминов. Но до настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос о путях появления таких терминологизированных лексем. Большинство авторов связывают специализацию вторичных значений антропоморфизмов и зооморфизмов с метафоризацией. Н. И. Толстой выдвинул положение о первичности новаций такого типа в географической терминологии, исходя из отсутствия образности у соответствующих наименований [11]. В ряде работ ставится проблема появления соответствующих новаций в результате калькирования [4, с. 111; 6, с. 49—60].

Изучение русского языка переходного периода и начального этапа формирования национального языка требует решения проблемы становления новых ЛСС, их пополнения и изменения, тенденций демократизации и европеизации в специальных подсистемах и отношений лексем внутри таких ЛСС. Необходимо установить особенности номинации, отличающие язык начального периода формирования русской нации от языка русской народности, и черты, свидетельствующие о непрерывности развития русского языка.

Базой исследования послужили рукописные памятники XVI—XVII вв. и материалы Картотеки ДРС (КДРС) Института русского языка АН СССР. Переводные тексты сопоставлялись с их иноязычными оригиналами, что дало возможность более точно установить круг семантических калек второй половины XVII в.

В качестве предварительного замечания подчеркнем, что вслед за составителями Словаря русского языка XVIII в., мы различаем языковые и контекстуальные (речевые) значения слов [1, с. 242—243]. Контекстуальные значения в основном и представлены в новых для русского языка ЛСС XVI—XVII вв., так что объектом изучения являются, в первую очередь, тенденции, наметившиеся в это время и только позже ставшие нормативными для русского литературного языка.

Обследованный фактический материал, учет наблюдений других авторов и данных КДРС позволяют сделать вывод об определенной системности процесса специализации общеупотребительных лексем в изучаемый период, включая и названия частей тела, о традиционности этого процесса в русском языке разных эпох. Эта системность проявилась как в синтагматике, так и в парадигматике, причем вторичные значения антропо- и зооморфизмов получали специализацию только в рамках оп-

ределенных сочетаний. Типизированные модели таких сочетаний известны во все периоды развития русского языка. К ним относятся:

а) определяемое имя существительное + согласованное определение: *гданские ноги, правые руки* и под.;

б) определяемое имя существительное + несогласованное определение в форме родительного или творительного падежа со значением целого: *шея храма, шея у храма, подошва стены, голова у церкви; пицаль с ухомъ, шеломъ с носомъ*. Для второй половины XVII в. характерно сокращение числа употребленных предложных конструкций и возрастание количества сочетаний с родительным беспредложным;

в) количественно-именные сочетания: *два локтя, три стопы* и под.;

Реже встречаются случаи использования фразеологизированных глагольных сочетаний: *взять (к себе) на очи, пустить на очи* — "допустить на аудиенцию", *видеть очи, быть на очехъ* — "быть на аудиенции лично с монархом" [8, с. 19]. Такие конструкции отмечены в дипломатической терминологии. Единичны и фразеологизированные сочетания с семантически неделимым зависимым членом, в состав которых входит лексема «рука» при обозначении качества изделия: *кафтан большой руки, камка средней руки* и т. д.

Специализированные антропо- и зооморфизмы в русском языке XVI—XVII вв. обозначали понятия ботаники, географии, военного и морского дела, архитектуры, астрономии, грамматики. Только со второй половины XVII в. они появляются при передаче понятий из области техники, математики, книгопечатания, музыки. Многие из наименований частей тела входят в разряд межсистемных омонимов: *рамо, рука, нога, хвост, ухо, око, глаз, тело, хребет* и др. Основные различия между специальными ЛСС в исследуемый период заключаются не в их составляющих, а в ЛСВ этих составляющих, в семантических отношениях членов внутри определенной ЛСС.

Анализ антропо- и зооморфизмов в рамках определенных подсистем показал, что некоторые из них многозначны в одной ЛСС, причем число значений возрастает во второй половине XVII в.: *лицо, тело, голова, пятка, рука*.

Для второй половины XVII в. характерно как расширение сферы употребления специализированных значений названий частей тела (например, в математике, астрономии), так и сужение ее (при обозначении частей воинского строя).

В общеупотребительном языке во все эпохи его развития широко используются вторичные значения данных лексем при обозначении частей предметов: *горло сосуда* (АЮБ, 111, 1672, 465, КДРС)², *сковорода с ушами* (Кн. пер. Свир. м. № 191,

² Сокращения даны в соответствии с указателем источников СЛРЯ XI—XVII вв. (М., 1975) и с учетом дополнений к указателю. Также использо-

1660, 71, КДРС), *носъ багра* (Оп. белоз. рыбн. дв. № 14, л. 14 об., КДРС) или со значением меры: *10 стопъ бумаги* (Рус.-швед. д. II, № 167, 1557, 308), *80 головъ сахару* (там же), *150 лбовъ кожи* (Пам. кн. 1, 157, КДРС).

Значение «часть предмета» легко получает специализацию. Начиная с XV в. этот процесс в русском языке заметно активизировался. При специализации реализуются метафорические переносы по местоположению части объекта. Такие специализированные лексемы в языке XVI—XVII вв. обозначали:

а) части строений, сооружений: *боки башни* (Козм. 1670, 67 об.), *руки у крепостей* (Строг. столп. 1685, 18, КДРС) — «боковые крылья», *шея* (у церкви) *построена, а на ней глава* (Опис. холмог. ц. № 94, 4, КДРС) — 1, «барабан»; *плотина отъ подошвы вверхъ* (Кн. тул и каш. зав. 22, КДРС) — «основание» и т. д.;

б) части судов и их снаряжения: *бокъ барки* (Авв. ж., 1673, 25), *кораблей dna и деревянные носы* (Гев. 136), *рогъ якоря* (Рим. имп., д. 2, 1577, 711);

в) части военного снаряжения: *пищаль с хвостомъ* (Псков. а., 1699, 232, КДРС), *самопаль... рогъ яблоневиный* (Мск. ст. 1, 206, КДРС), *пищаль об одном ухе* (Якутск. а., к. 1, № 1, сст. 175, 1639, КДРС), *шеломъ... с носомъ и с затылкомъ* (Оруж. Бор. Год. 1589, 34, КДРС);

г) части войска, воинского строя: *правые руки воеводы стояли за Двиною* (Пам. дипл. МГ-п.-л. 111, 1563, 121) — «фланги», *ударница на костромичъ в тылъ а другая половина удари в лице* (Рог. лет. 113, КДРС) — «во фронт», *правый рогъ... поручена устроить* (Ист. К. 22, КДРС) — «фланг»;

д) части географических объектов: *голову острова* (Колл. Зинченко, № 101, 1677, КДРС) — «часть острова выше по течению»; *протянулся в море нос каменный* (Чертеж Сибир. зем. 1672, 8, КДРС) — «мыс», *горло реки* (Алф. XVII, 85 об.) — «место стока воды в устье», *шеи горъ* (Гев. 138) — «верхи»;

е) части небесных тел: *боки Луны* (Гев. 298), *крапина на хребте его* (Солнца) (там же, 384) — «невидимая часть», *хвост* (звезды) (Зап. о стрел. бунте, XVII, 299, КДРС) — «хвост кометы», *отъявшие звездъ власы* (Гев. 46) — «лучи»;

ж) части созвездий: *близ хвоста и от головы Скорпию* (Гев. 295), *звезды в поясе и в косе Орионовои* (там же, 41), *звезды в главе Орионовои* (там же, 41).

Начиная с XV в. встречаются случаи специализации антропо- и зооморфизмов со значением целого. Синекдоха такого типа возникает на базе метафоризации значения. Специализированные наименования употребляются со значением лица: *Головам стрельецким... велеть...* (Ст. Раз. 1670, № 27, 113,

ваны сокращения: Гев.—И. Гевелий. Селенография... Отдел рукописей библиотеки АН Лит. ССР; Кн. сошн. п.—Книга сошного письма. Временник ОИДР. М., 1853, с. 32—65.

КДРС), *осадной голова* (Баг. мат. XI, 1641, 68, КДРС) и в качестве названий трав, причем в ботанической номенклатуре реализуется значение "подобный, похожий на...": *травя медвежье ухо* (Мат. мед. 433), *мышьи уши травя* (Тр. Л. 432), *травя цареви очи* (Тр. Флор, § 46), *травя коровий глаз* (Тр. Л. 456). Такие наименования известны и в современной ботанической номенклатуре [5, с. 478—484].

Новыми для второй половины XVII в. являются названия технических приспособлений, устройств, возникшие на базе синекдохи: *...выкапываютъ (кладези) руками железными... опустятъ (в землю) ...сами землю выбираютъ* (Спаф. Китай, 76) — "землечерпалка"; *сделали на реке... голову, чем дрова одерживаютъ* (Кн. Ивер. м. 111, 108, КДРС) — "запань", *2 ноги с крюками* (А. отв. 1685, КДРС:—"снаряд для изготовления канатов, снастей").

На основе метафоризации первичного значения названия частей тела могут развиваться абстрактные ЛСВ. В донациональный период такое употребление отмечено только в отдельных видах памятников при обозначении:

а) качества предметов: *яблоки средней руки* (Заб. мат. 95), *полотно тонкой руки* (Кн. прих.-расх. Ивер. м. № 20, 1665, КДРС);

б) грамматического лица: *от грамматического любомудрия и правления в родахъ в числахъ в падежахъ и лицахъ* (Пролог, 1643, 951);

в) стопы в стихе: *Какими ногами обоя меры мерити соблюдается* (М. Гр. 111, 232, сп. XVII в.);

г) полусуммы параллельных сторон геометрической фигуры: *смери ж по средине вдоль нет ли хобота* (Кн. сошн. п. 1629. 58).

К новообразованиям второй половины XVII в. относятся следующие лексемы, выражающие отвлеченное значение:

а) условный знак в музыке: *где какие лица в каковом пении обрящутся тамо им и извещение в лицах будет* (Азб. муз. 1668, 19, КДРС), *рука по ключю* (Мус. грам. Дил., 87);

б) вещество, материя: *для реткости тела крапины* (солнечного пятна — Л. Р.) (Гев. 377) — лат. *согрус*;

в) внешний вид, форма небесных тел: *звезды телеса косматые* (там же, 44 об) — лат. *согрус* — "тело, вещество, материя, масса; единое тело, единое целое; совокупность, общий состав". *Крапина возвратилась в долгомъ лица и величии* (там же, 380 об.) — лат. *фогта* — "форма, внешний вид, облик, наружность", *на сицевым лица Сатурна* (там же) — лат. *сопсрехи* — "вид"; *тело Сатурна в долгомъ лица* (там же) — лат. *фасиет* — "лицо, вид, внешность". Л. Л. Кутина, описывая подобные значения лексемы *лицо* в языке XVIII в., объясняет их как результат семантической индукции лат. *фасиет* [4, с. 111]. Наш материал свидетельствует, что здесь имела место сложная контаминация ЛСВ.

г) изображение, схема: *зраки и лица крапин лунных простыми линиями... начертаны* (Гев. 320 об.) — лат. *figurae, species* 1. "наружный вид, очертание"; 2. "наружный вид, изображение". Ср.: *писано в лицах трава всякая* (Спаф. Китай, 29 об.); *извещение в лицах будет* (Азб. муз. 1668, 19, КДРС).

Новыми для второй половины XVII в. являются и метафорические переносы, когда лексемы обозначают понятия из области точных наук:

а) геометрические и физические тела: *тело Луны есть глобосоватое* (Гев. 242 об.) — лат. *corpus*; *к взиранию небесных телес такожде и телес земныхъ* (там же, 18 об.) — лат. *corpora coelestia, corpora terrana*; *телеса меньшише* (там же, 18); *тело потемненное стень содеваетъ* (там же, 106);

б) фазы небесных тел: *первое лице лунное* (Гев. 288) — лат. *de Lunae phasi*; *лице Луны рогатое* (там же, 240 об.) — лат. *de Lunae Corniculatae phasi*; *лице Венеры* (там же, 288) — лат. *Phagis Veneris, forma*.

Новое для второй половины XVII в. понятие «кольца Сатурна» передается как: *рамена* (Гев. 51 об.), *ухо раздвоенно* (там же, 51), *ухи по обоим сторонам Сатурна* (там же, 69 об.) — лат. *ansulam* — "ручка, рукоятка".

Анализируемый материал свидетельствует о сложности деривационных и семантических отношений внутри изучаемой ТГ, особенно в языке второй половины XVII в. Кроме полисемии следует учитывать случаи семантической индукции, подтверждаемые сравнением с текстом оригинала, и лексическое варьирование средств выражения, независимое от оригинала. Тенденция к использованию семантических калек в терминологических системах станет устойчивой, начиная с первой трети XVIII в.

Изучение деривационных отношений внутри данной ТГ требует и учета значений соответствующих деминутивов и доли их участия в процессе специализации и терминологизации. Сопоставление с данными современного русского литературного языка показывает, что число деминутивов, получивших специальное значение, в языке донационального периода минимально, а во второй половине XVII в., хотя и возрастает, но остается ограниченным. Причем значения полной формы антропо- и зооморфизмов и соответствующего деминутива совпадают в большинстве случаев, при этом деминутив получает дополнительный признак уменьшительности: *третий род труб микроскопия... сия меньшишая телесца и зверята... изьявляетъ* (Гев. 29 об.); *трава заячье ушко* (Тр. Л. 277); *ядро с долгими пятками* (Устав ратн. д. 2, 149).

Деминутивы могут обозначать и небольшие части предметов: *ядерные шейки* (Кн. тул. и каш. зав. 1647, 12, КДРС), *части места пристроительного* (места наблюдения. — Л. Р.) *глобус, окошко, ушко...* (Гев. 96 об.). В редких случаях демин-

нутивы обозначают новые понятия, которые не выражаются соответствующей полной формой: *Посмотрить каковъ горбикъ* (Кн. перепл. XVI—XVII, 8, КДРС) — "изгиб, выпуклость корешка книги", *зубочки деревянные* (там же, 14) — "зажимы по толщине книги", *зубцы новые* (Колл. Зинченко, 76, сст. 1, 1685, КДРС) — "украшения кровли в виде выступов". Обследованный материал показывает, что в XVI—XVII вв. деминутивы имели большое распространение в бытовой речи, где обозначали предметы, украшения, детали украшений.

Антропо- и зооморфизмы, получая специализацию значения, вступали в синонимические и антонимические отношения друг с другом или с другими лексемами, обозначающими части объектов. В основу сопоставления или противопоставления был положен семантический признак. В языке XVI—XVII вв. в памятниках «среднего стиля» и научного содержания в целях лексического варьирования используются многочисленными синонимы [3; 2, с. 73—79]. Они не различались по стилистической окраске и выполняли роль глосс или уточнителей, расширителей обозначаемого. Нами отмечены многочисленные случаи использования синонимов в рамках одного контекста. Синонимические ряды или пары образуют и изучаемые лексемы: *боки стороны пирамидесъ* (М. Б. XVII, 87), *лице Луны есть плоское — повершше Луны* (Гев. 118—119), *затилная часть* (Гев. 87) — *от того лица отвратного — досталная часть — от боку отвратного* (там же, 118), *фундамент-основание еже есть подошва каменной храмине* (Алф. 446, XVII, 123), *прора(гр) — нос корабля* (там же, 186 об.), *роги или остроты* (Гев. 285 об.), *тело Иовеша — глобус его* (Юпитера) (там же, 51 об.).

Наиболее распространенный вид антонимических отношений в языке изучаемой эпохи — это пространственные противопоставления. Как отметил Ф. П. Сороколетов, одна часть предмета может противопоставляться любой его части [9, с. 120] или совокупности всех других частей в целом: *стругъ... длина от носа до кормы 11 сажень* (Ворон. а. 1681, 286, КДРС), *удари в тылъ и в лице* (Рог. лет. 113, КДРС), *стена осыпалась... от подошвы по зубцы* (ДАИ, 111, 1647, 3, КДРС), *зделано от низу до плечъ церквци* (Х. купца Тр. Кор. 1593—94, 18, КДРС), *о лимоне ...перво скорупа потомъ же тело* (Тр. Л. 512), *поверх же того верха построена шея и на неи глава настоящая* (Опис. холмог. ц. № 94, 4, КДРС).

Реже встречались противопоставления по форме: *округлые телеса — звезды некруглые* (Гев. 43 об.). Отмечен один пример употребления лексемы с разными специализированными значениями: *дощаник... от лапы до лапы в длину... по матрице 10 сажень* (А. верхтур. съезж. избы, № 24, 1676, КДРС) — 1. "носовой загиб"; 2. "кормовой загиб".

Таким образом, анализ антропо- и зооморфизмов, получивших специализацию значения в русском языке XVI—XVII вв.,

показывает, что в это время, а особенно интенсивно со второй половины XVII в., создаются однотипные ряды таких наименований в разных терминологических системах, обладающие общими закономерностями в своих синтагматических и парадигматических отношениях, в семантических преобразованиях, которые станут универсальными уже в первой половине XVIII в. Начало этому процессу было положено в языке русской народности. Основное направление развития семантики антропо- и зооморфизмов — от простого к сложному, от конкретного к абстрактному. На примере анализируемой лексики можно увидеть, как проходил процесс демократизации специальных подсистем в начальный период складывания русской нации и русского национального языка.

Список использованной литературы

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования.— Л.: Наука, 1972.— 430 с.
2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания.— М.: Наука, 1977.— 246 с.
3. Кутина Л. Л. К вопросу о синонимии в языке XVII в. //Учен. зап./ ЛГУ.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.— Т. 243.— Вып. 242.— С. 101—131.
4. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Термины математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.).— М.; Л.: Наука, 1964.— 219 с.
5. Нейштадт М. И. Определитель растений средней полосы Европейской части СССР.— М.: Учпедгиз, 1954.— 494 с.
6. Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке.— М.: Изд-во МГУ, 1980.— 88 с.
7. Сендровец Е. М. Названия частей человеческого тела в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук /МГУ.— М., 1970.— 20 с.
8. Сергеев Ф. П. Формирование русской дипломатической терминологии: (По данным памятников письменности XI—XVII вв.): Автореф. ... докт. филол. наук.— М., 1973.— 56 с.
9. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв.— Л.: Наука, 1970.— 383 с.
10. Сороколетов Ф. П. Особенности формирования специально-терминологических разрядов лексики в русском языке XI—XVII вв. //Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр./ Калинингр. ун-т.— Калининград, 1982.— С. 17—23.
11. Толстой Н. И. О понятии семантического регистра в лексикологии и ономастике //Доклад на XIV Виноградовских чтениях.— М.: ИРЯ АН СССР, 1983.
12. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: (Этимология и опыт групповой реконструкции).— М.: Наука, 1966.— 416 с.

2. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка //Язык газеты.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.— 281 с.
3. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку.— М.: Учпедгиз, 1959.— 492 с.
4. Гавранек Б. Развитие чешского литературного языка //Чехословацкая лингвистика/ 2-я серия.— Прага, 1936.— 211 с.
5. Лексика русского литературного языка XIX—начала XX века.— М.: Наука, 1981.— 359 с.
6. Предисловие к 1-му изданию Словаря Академии Российской.— Одессе, 1971.— 620 с.
7. Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова //Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т.— М.: Худож. лит., 1976.— Т. 6.— 508 с.